

Евгения Комарова

ВЫЗОВИТЕ СКОРУЮ
Будни фельдшера СМП

Издательство АСТ
Москва

*Все персонажи
и описываемые события
являются вымышленными.
Любые совпадения с реальностью
случайны.*

Как нанизался мужик на гвоздь

Начнем с того, что работа фельдшером скорой медицинской помощи в России — это игра в рулетку. Ты никогда не знаешь, на какой случай приедешь, и повод к вызову не всегда соответствует тому, что потом на месте увидишь. Например, вызывают на травму. Готовься к тому, что это может быть все что угодно, — от царапины до травматической ампутации головы. Или кому-то плохо. Надо сказать, что каждый скоропомощник вздрагивает, когда слышит расплывчатое «стало плохо». «Плохо» — может быть и ребенку, которого рвет, и кому-то в наркопритоне, который и найти очень сложно, и куда зайти очень страшно, или кто-то сошел с ума. Особенно ужасно, когда работаешь один, без напарника, и ночью едешь на такой вызов. Представьте, приезжаешь в притон и не знаешь, выйдешь оттуда или нет.

Но, несмотря на риски, многие не уходят со скорой помощи. В каком-то смысле это тоже «диагноз». Если ты здесь задержался, то, как бы ни было тяжело и сложно, нигде больше ты не будешь чувствовать себя на своем месте.

Вспоминается один вызов на травму ноги. Я тогда первый год работала на скорой. Едем днем в деревню, в Тмутаракань, в глухомань и медвежий угол, в общем, в такое захолустье, для которого можно найти и другие, куда менее приличные, но гораздо более популярные синонимы. Приезжаем. Встречает нас мужик, стоит на одной ноге, орет: «Спасите, помогите!» Я подхожу. Он рукой опирается на пенек, вторую ногу поджал, и она болтается на весу. Что случилось? А он просто настоящий де-

ревенский житель. Объясняет: «Да я тут дрова рубил...» Он перерабатывал бревна и старые доски в дрова. В одной деревяшке был гвоздь. И когда мужчина замахнулся топором, гвоздь от силы удара отрикошетил ему прямехонько в бедро и намертво застрял в тканях. Мужик хотел сам достать гвоздь, но, по счастью, не смог.

Говорю: «Поехали в травму, там тебе достанут гвоздь, сделают инъекцию от столбняка и отпустят домой». Мужик возражает, мол «да как я поеду?» Я осматриваю ногу и понимаю, что гвоздь у него держится за кожу внутри, и его можно достать, если немножечко подрезать. Нахожу большую стерильную иглу, ребром острия подрезаю кожу и достаю гвоздь. Кровотечения практически не было, повязку наложила.

— Теперь, — говорю, — тебе не так больно, поехали в больницу делать инъекцию от столбняка.

Дед на радостях побежал в дом, выбежал с бутылкой водки, которую он уже пил из горла, и сказал, что «никакой столбняк ему не страшен и в больницу он не поедет». Вот тогда-то я услышала, какой я «суперврач», что я его спасла, и что «вот такие врачи и должны быть». В общем, забавная получилась история.

Мы их лечим, чтобы они себя калечили

Была у нас одна пациентка. За годы работы на скорой много их, конечно, было. Но эту знала вся подстанция. Ее всегда узнавали по голосу, и адрес ее все знали наизусть. По тому адресу жила большая цыганская семья. Их дом находился в деревне. Цыганка, к которой мы выезжали, страдала астмой, позже у нее случилась онкология легких, и она вызывала скорую помощь каждый день. Иногда по нескольку раз в день, чтобы в вену ей поставили препараты, после которых становится проще дышать. Это гормональные препараты. Да, с ними действительно становится проще дышать, но вены на руках они напроць выжигают. И чем чаще их использование, тем меньше вен остается. У этой женщины вен, можно сказать, не было. Поражала ее худоба и земляного цвета лицо с черными-черными глазами и бровями... Она практически постоянно сидела на аппарате, который подавал кислород. Когда мы к ней приезжали, то давали наш кислород, потому что он более концентрированный, старались наковырять вену, чтобы была возможность сделать ей инъекцию. Ее немножечко отпускало, и она сразу закуривала сигарету. Ездили мы к ней на протяжении двух лет, отказать нельзя. Тебя вызывают, ты едешь. Но, по сути, человек нас гонял, иногда дважды в день, фактически для того, чтобы выкурить сигарету... С таким-то диагнозом она так и не захотела отказаться от курева...

Кстати, семья ее была достаточно богата, в доме всегда было полно народу. А у нас, на скорой бывает такое, что не хватает копеечных препаратов. Например, закончился физраствор, ну

нет его по каким-то причинам, нужно продержаться до завоза. Тогда мы идем в аптеку, покупаем необходимое за свои деньги, потому что понимаем: кому-то это спасет жизнь. Цыганке этой постоянно нужны были так называемые «бабочки» — для детских вен или для таких взрослых людей, у которых вен почти нет. Всегда поражало, что эта небедная семья ни разу не удосужилась сделать себе запас этих «бабочек», которые стоят недорого, но не всегда бывают на скорой. И они это знали. Мы всегда что-то припасали на экстренный случай. Для детей. Но здесь случай был далеко не экстренный. Поражало, насколько люди даже о себе не хотят позаботиться, уже не говоря о других.

Помогаем, чем можем

Звонит в скорую беременная. Говорит, плохо дело, болит живот. Приезжаем. Край географии, деревня — два дома, три собаки. И посреди этой деревни две пятиэтажки. Нам в одну из них на первый этаж. Заходим. Встречает нас ребенок, лет трех, босой, грязненький, сопливенький. В квартире полумрак, все максимально бедно. В постели лежит беременная. Срок 20 с чем-то недель, живот напряженный. Говорю: «Можно мне помыть руки?» Отвечает: «Да, только света нет». Ладно, не привыкать. Иду помыть руки, смотрю, нет мыла. Помыла так, пошла осматривать девочку. А у нее угроза прерывания беременности: ни сердцебиения плода не слышно, ни его шевеления... Нужно срочно ехать в больницу. Ее муж, паренек лет 22-х, интересуется, куда повезем жену. Мы называем больницу. Они начали переглядываться. Она мнетя: «Я не могу ехать». Но ей нельзя не ехать! Я настаиваю, они оба мнутя. Оказалось, у них нет денег на обратную дорогу, а ехать далеко. Мы настаиваем на госпитализации.

На дорожку я спросила разрешения воспользоваться их туалетом. Но и там тоже не было света. Выяснилось, что у них перерезаны провода за неуплату электроэнергии. Хотя не алкаши. И она рассказала, что работает в «Пятерочке», но денег не хватает ни на что. А ведь у них уже есть ребенок. Я понимаю, что ее женское здоровье требует медицинской помощи, даю ей деньги на обратную дорогу. Ей неловко, но она соглашается ехать. Погрузила ее в машину, отвезла в больницу, оставила денег, как обещала. Что там было дальше, не знаю. На дежурстве у скорой возможны всякие ситуации. И мы, люди, иногда не можем поступить по-другому.

Мойщица окон

Вызвали к женщине, выпавшей из окна. На дворе белый день. Улица, полная детей и мамок с колясками. И вдруг резко, со свистом, с высоты одиннадцатого этажа летит женщина, падает на крыльцо и ударяется о перила на крыльце. Ее тело разрывает на части. Оторвало обе ноги выше колена. Ноги разбросало одну от другой на расстоянии метров десяти, оторвало одну руку, головы как таковой нет. Черепная коробка полностью разлетелась. В этот момент у подъезда гулял папа с коляской. Коляска вся в крови, в мозгах, в кишках. Мужчина с ребенком тоже. Но, слава богу, они остались живы. А та бедная женщина мыла окна. И что-то, видимо, случилось: то ли у нее закружилась голова, то ли она поскользнулась на воде. Так страшно и очень печально закончилась ее жизнь. А может, в азарте утратила инстинкт самосохранения.

Хотя можно было всего-навсего купить себе робота-мойщица окон, который все сделает сам, ничем не рискуя. Свой агрегат я приобрела год назад, хотя живу на первом этаже. Но, зная свою «ловкость», я решила себя подстраховать. Не стоит так глупо рисковать жизнью. Ведь бывает всякое, а вы нужны своим родным и близким.

Про смену

Хочу рассказать про всю смену. Просыпаясь, ненавидишь работу и все, что с ней связано, и ту рань, в которую приходится выходить из дома, чтобы вовремя принять смену. Приняла смену. Приняла наркотики. Приняла машину.

Дают первый вызов. У нас есть примета: если первый вызов — женщина, то не задастся вся смена. А тут день открыла не просто женщина, а очень противная женщина. Она жаловалась на боль в груди, поэтому ее вызов определили как экстренный. Приезжаем, звоним в домофон, домофон не работает. Звоним ей на мобильный. Она бодрым голосом отвечает: «Да, у меня не работает домофон, но вы подождите, пока кто-нибудь спустится». Я, говорит, не хочу с третьего этажа пешком спускаться, дом без лифта. Мы возражаем, что не можем ждать. А она отказывается спускаться. По-хорошему, развернуться бы и уехать, но мы так делать не можем. К счастью, из подъезда вышли люди, и нам удалось зайти. Поднимаемся к ней. Уже понимаем по ее голосу, что угрозы жизни у пациентки нет. Спрашиваем: «На что жалуетесь?» Она говорит: «Уже третью неделю кашляю, и мне нужно, чтобы вы меня послушали, нет ли у меня в легких хрипов. А в поликлинике очередь на час. Вы-то быстрее приедете». По возрасту ей примерно 60 лет. И она совершенно не стесняясь говорит: «Да, налоги я плачу, вы обязаны приехать и послушать». Послушали ее. Объяснили, что это не скоропомощный вызов, что пусть вызывает врача на дом. Она сделала вид, что не слышит нас. Две недели назад она уже вызывала скорую. К ней приезжала моя напарница, которая тоже ее послушала и тоже объяснила, что нужно вызвать врача из поликлиники. Оказалось, что дама не прикреплена к

поликлинике и не хочет этого делать, потому что, по ее мнению, скорую можно вызвать всегда.

К сожалению, именно такие люди — одна из причин, почему со скорой уходят врачи, и почему мы не успеваем выехать на экстренные вызовы.

После этой женщины едем далеко в деревню к мужчине с болью в животе. Мужчина очень бледный. Анамнез собрать не представляется возможным, потому что на вопросы пациент не отвечает. Звуки, которые он издает, трудно идентифицировать, а клиническая картина неоднозначна. Живот несколько напряжен, низкое давление, очевидно, что-то кровит внутри брюшной полости. Мужчина теряет кровь, но, с его слов, кал не черный, рвоты и крови тоже не было. Дал понять, что накануне были сильные боли в области мочевого пузыря. В общем, поставили мы ему предварительный диагноз «пиелонефрит» и повезли в больницу. А через несколько часов после того, как его обследовали, подтвердилась моя первая догадка: у мужчины обнаружилась онкология с внутренним распадом предстательной железы. Положили мужчину в больницу. Для подтверждения диагноза нужна биопсия. Пока возьмут гистологию, отправят, проанализируют, пройдет еще месяц. И только тогда его начнут лечить от «онко».

Потом мы прокатились по соплям, по температуре, по тем вызовам, на которые мы не должны приезжать, не для этого придумана скорая помощь. Скорая помощь создана именно для экстренных состояний, угрожающих жизни. И это, конечно, никак не относится к простудам.

Следующий вызов был снова с жалобой на боли в животе. Приезжаем. Парень, 30 лет, лежит. Даже при плохом освещении видно, что он очень бледный. Разбита бровь, рассечение в области брови. Непонятно, маргинал нас вызвал или нормальный человек. Смущало, что разбито лицо. Спрашиваем, что случилось. Он немногословен. Говорит, живот болел, плохо мне, а сейчас уже не болит, но все равно очень плохо. Но как плохо, объяснить не может. Про бровь рассказал, что упал. Начали задавать вопросы: когда упал? Как упал? С его слов, пошел в туалет, закружилась голова, потерял сознание, упал, об унитаз разбил себе голову. По идее, боли в животе не должны давать потерю сознания. Начинаем его допрашивать с при-

страстием: что ел, что пил, употреблял ли алкоголь. Все отрицает, ничего не пил, не было алкоголя. Когда состояние такое началось? В 8 утра. А приехали мы к нему в 4 часа дня. Почему скорую сразу не вызвали? Говорит, думал, отлежусь, станет легче. А ему на глазах становится только хуже. Тахикардия 180 ударов в минуту, давление очень низкое — 60 на 30. Спрашиваю, рвота была? Была, черного цвета. А какого цвета у вас кал? Тоже черного. Осматриваю его *per rectum*, на перчатке видны следы алой крови. Нужна срочная госпитализация. Говорит, никуда не поеду. Но мы уже не спрашиваем, поедет или нет. Его состояние крайне нестабильное. Это тяжелый больной. Пока его оформляем и делаем запрос на госпитализацию, ставлю катетер. Парень просит пить, а пить в этом состоянии нельзя. Говорю, сейчас ты через капельницу попьешь. Ставим ему раствор, чтобы его немножко стабилизировать. Не знаю, сколько у него крови вылилось. Спрашиваю у него про питание. В ответ слышу: нормально. И тут меня осеняет: злоупотребление энергетическими напитками! И я спрашиваю этого мужчину, пьет ли он энергетики. Дает положительный ответ. Как часто и как много? Каждый день — от 1 до 3 банок. Эти энергетики желудок сжигают в хлам, превращают в тряпку. А что с желудочно-кишечным трактом у этого парня — неизвестно. Довезли мы его до больницы. Слава богу, состояние его не ухудшилось. Мы его стабилизировали. Даже давление чуть-чуть поднять удалось. Дальнейшая его судьба мне неизвестна, его сразу забрали в реанимацию.

Потом в тот же день едем на вызов «плохо». Женщине лет 60. Видно, что действительно плохо. Бледная. Ее вырвало съеденной пищей. Измеряем давление, а оно не измеряется. Кое-как, правдами и неправдами, намеряли ей давление 50 на 0. Объясняем, что нужно госпитализироваться, а она говорит, что ей нельзя госпитализироваться, потому что на ней внук, пацан 2,5 лет. Требуем, чтобы звонила родителям, пусть приезжают и забирают ребенка. У нас, конечно, лимитированное время на вызов, но мы же не можем оставить ребенка одного, и взять с собой не можем. Около получаса нам пришлось ждать, пока приедут за ребенком. Между тем женщину повторно рвет уже при нас, давление не растет, вену найти не можем. Прошу ее: «Главное — не шевелитесь». Она волнуется, что пора по-

кормить ребенка. Она просит меня это сделать. Сказала, что и откуда взять. Я нашла в холодильнике сырники, погрела их, села кормить малыша. Безусловно, это не входит в мои профессиональные обязанности, но чисто по-человечески как еще поступишь? Я же понимаю, что ребенок голоден, она встать не может, да мы и не позволим ей встать. У нее крайне тяжелое состояние, нестабильное, причину которого мы не понимаем. В общем, наконец, ребенка у бабушки забрали, и мы погрузили ее в автомобиль и повезли в больницу. Принимающий хирург смотрел на нас квадратными глазами. Ну где вы их всех сегодня берете на мою голову? Завезли ее в противошоковую палату, в приемное отделение. Давление у нее так и не измеряется. Наковыриваем хоть какое-то, и ее тут же поднимают в реанимацию с неизвестным диагнозом. Я позже узнавала насчет нее. Жива, но с диагнозом на тот момент так и не определились. Давление женщине поднять не удалось.

В общем, что ни день, то происшествия. Но вот эта смена оказалась наиболее выдающейся. Надолго заполнилась.

Недельной давности...

Получилось так, что за 30 секунд до нас приехала ритуальная городская служба. Подоспел и сотрудник полиции. Выломали дверь. Дело происходило в общежитии. Мы поднимаемся, а на лестничной клетке сидит без маски сотрудник полиции. Что-то там скребет у себя в бумажках. Масочка и перчаточки рядом лежат. Он объясняет: «Конечно там сильно пахнет, но бывает и похуже». Мы делаем два шага вперед, и я понимаю, что мне в двух масках нечем дышать. Открываем дверь, и на нас просто обрушивается волна зловония. Запах непередаваемый. Я дышу в свою кофту. И чтобы вы понимали, наша задача как фельдшеров скорой помощи — осмотреть это тело и полностью описать его. Перед нами мужчина в малюсенькой квартирке общежития. Судя по всему, неделю назад он упал лицом вниз, не дойдя до двери. Так и лежит лицом вниз. И уже, простите, начал течь. И уже рой мух. Чтобы полностью осмотреть тело и убедиться, что нет признаков насильственной смерти, его нужно перевернуть. Если есть раны, травмы, мы все это должны описать в медицинской карте. Запах жуткий. Мы, условно, народ, приученный к этому, но и у меня от увиденного появились рвотные позывы. Я была этому удивлена. Со мной ничего подобного раньше не случалось. Слава богу, была голодная, ничего не ела. Плюс две маски. И кофта. Но нам надо его повертеть всего... Такая у нас работа.

Обычно неотложка ездит по таким вызовам, но почему-то отравили нас. Возможно, подозревали криминальную смерть. Тело в мухах, в опарышах, из него все течет. Пока осматривали, несколько раз выбегали из комнаты, чтобы свободно вздохнуть. Осмотрели мы его очень быстро. Забирает тело ритуаль-

ная служба. Забирает все в пакет. Если тело долго лежало, у него могут отваливаться конечности. Этот труп оказался практически целым. Его убрали в два мешка, закрыли. Сколько времени будет выветриваться запах из комнаты — неизвестно. Квартире требуется тщательный клининг. Но этим занимается кто-то другой — точно не скорая помощь и точно не ритуальная служба. Вероятно, следующие жильцы. И здесь нужно иметь в виду, что трупный яд впитался в паркет, и его уже не отмыть, только выбрасывать и к тому же менять, все, что под ним образовалось. Иначе от запаха никогда не избавиться. Страшно, когда человек умирает в одиночестве, и его никто не ищет, никто о нем вовремя не спохватывается. Обнаруживают только по тлетворному запаху.

